

Как мы пережили лихие 90-е

«Наша жизнь не приемлет в себе постоянства.
И прощаться легко. Только некая грусть
Занимает в душе небольшое пространство,
Если сверху смотреть на отмеренный путь.
Ведь прощаемся мы не с людьми, не с местами,
И не в том, между нами, расставания суть.
Всякий раз мы прощаемся с нашими днями,
Что уже не вернуть...»

А. Макаревич

Сейчас я вспоминаю то время с ноткой грусти, и некоей долей иронии. Ирония потому что, многое из того, что было тогда, кажется просто нелепым, непонятым, и, по обычным меркам, просто невозможным. Километровые очереди за любым товаром, пустые полки в магазинах, сумасшедшая задержка зарплат на полгода, а то и на год, табачный голод, процветающие бандитизм и рэкет. Как все это в одночасье могло наступить в стране, которая уверенными шагами десятки лет двигалась к коммунизму? Как за столь короткое время мировоззрение и идеалы советского человека поменялись на прямо противоположные, а то, что еще вчера считалось бесценным - образование, статус, занимаемый человеком в обществе, знания, опыт, мастерство - вдруг оказалось никому не нужным? Советский Союз вступил в новую для себя эру экономических отношений. ТОВАР - ДЕНЬГИ - ТОВАР. Когда в человеке стали цениться лишь два качества - наличие купюр и возможность что-либо достать. Отсутствие таковых означало выпадение отдельно взятого индивидуума из общей системы взаимоотношений.

А нотка грусти оттого, что тогда, двадцать лет назад, я был молод, силен, тщеславен, и все трудности, встающие на пути, казались сущими пустяками. Впереди была целая жизнь. Двадцать лет назад мне было двадцать пять...

Это было время, когда одна великая держава распалась, а новая, делая неуверенные попытки, пыталась подняться с колен. В стране царил хаос, жуткая инфляция, разруха и безработица. Жили тяжело, но, в то же время весело. Умели радоваться любой мелочи. Получил зарплату – радость, купил новую рубашку – тоже радость. Проехал в автобусе без билета и не попался контролеру - и это радость. Достал к Новому году пару килограммов мандаринов – счастье! Мы сами себе устраивали праздники по поводу и без. И, даже если гулять было не на что, все равно находили возможность повеселиться. И пусть на мой день рождения, который я отмечал в коллективе, был лишь литр разведенного спирта, а на закуску только банка кильки в томатном соусе – все равно это был самый настоящий праздник.

С продуктами в стране была страшная напряженка. На каждого человека выдавались талоны на определенный вид продуктов на месяц, и норма их была строго ограничена. Например, сливочное масло – 200 грамм, колбаса – 250 грамм, мясо с костями - 500 грамм, сахар – 1 килограмм. Мой отец, как человек, страдающий сахарным диабетом, получал еще килограмм гречки. Это было настоящее чудо, потому что гречки не было вообще, и достать ее было невозможно. Талоны отоваривались в строго определенные дни, поэтому у прилавков скапливалась такая очередь, что времени на то, чтобы получить продукты, уходило не менее 4-

5 часов. Прийти в другой день было невозможно. Семья могла элементарно остаться без продуктов. К тому же, там выдавались талоны на месяц следующий.

Шиковать не приходилось. Каждое утро мама отрезала всем по два кружочка колбасы на хлеб с маслом. И мы понимали, что больше нельзя, иначе в один прекрасный день останемся без этих бутербродов. Колбасу мы видели, в основном, по праздникам. Мы многое тогда видели только по праздникам – конфеты и разные сладости, шпроты и холодец, вкусные салаты и даже картошку с мясом. Мама всегда оставляла НЗ на особые дни, и, поэтому в дни праздников мы ждали от мамы чего-нибудь необычного. А в обычные дни мы ели тушеную капусту, перловую кашу и суп с костями. Сейчас, когда я захожу в какой-нибудь супермаркет и подхожу к витрине, где лежат всевозможные сыры и колбасы, то с улыбкой вспоминаю то время, когда я представить себе не мог, что такое возможно. Тогда, 20 лет назад, я, взрослый 25-летний мужчина, думал, что сыр бывает только один – с дырочками, а колбаса – лишь вареная или копченая. И когда юморист Петросян поведал нам с экрана телевизора, как он ездил за границу, и все фотографировались на фоне памятника Гёте, а он один – на фоне 30-ти сортов сыра и 50-ти сортов колбас, я, честно говоря, думал, что он врет. В моей советско-комсомольской голове не укладывалось, как такое может быть. Мне не верилось, что столько сортов сыра и колбасы реально могут существовать. Что эти загнивающие капиталисты просто вешают нам лапшу на уши. Это сейчас мы понимаем, что так и есть на самом деле. А тогда слова Петросяна у меня вызывали лишь недоумение.

Водка в магазине тоже не залеживалась. Когда ее привозили – начиналась самая настоящая битва. Женщины в этой битве не участвовали – они бы просто не выстояли. В бой шли настоящие мужчины. Как в хоккее. Создавалась огромнейшая давка, крики, мат. Бывали даже потасовки, если кто-то особенно наглым образом пытался пробиться к заветному окошечку. Помню, порой даже вызывали милицию, чтобы она контролировала ситуацию. Водка продавалась по две бутылки в руки - не более. Но какое это было счастье – принести домой завоеванную победу в виде литра заветного напитка. Ну, а если свадьба, или, не дай Бог, похороны, спросите вы? В специальном магазине можно было получить по справке целый ящик (20 бутылок) водки. Не помню уж, как точно назывался этот магазин, знаю, что это был спецмагазин от ЗАГСа. А в народе его прозвали «Живые и мертвые». Так вот, там продавались вещи и продукты как для самых счастливых моментов в жизни, так и для самых грустных. Молодожены покупали обувь, костюмы, свадебные платья и еду на праздничный стол. Там же продавалось и все необходимое, чтобы проводить человека в последний путь. Все пользовались услугами этого магазина, и никто не видел в этом ничего зазорного. Другими путями простой народ воспользоваться не мог.

Наверняка, из-за нехватки спиртного народ и начал пить всякую гадость: технический спирт, растворители, стеклоочистители, лекарственные препараты. Именно в те годы появился анекдот: «Заходит мужик в галантерейный магазин: «Мне 4 флакона одеколona «Шипр» и один – «Гвоздика». Продащица: «Берите уж тогда 5 флаконов «Шипра». Мужик: «Не надо нам 5. У нас сегодня в гостях будет дама». Каюсь, и я однажды попробовал одеколон. Гадость ужасная. Меня прополоскало так, что, мама, не горюй. После этого я зарекся пить эти благоухающие напитки. Поэтому, когда появился литровый спирт «Рояль» - вся Россия вздохнула с облегчением. Все тут же обзавелись спиртометрами и принялись сами разводить 96%-ю спиртыгу в нужную для себя пропорцию. Самые крепкие разводили его на 4 бутылки. Это была неслабая смесь в 45 градусов. Достаточно было выпить граммов 150, чтобы «улететь» напрочь. Обычно разводили на 5 бутылок. Это была водка в 39 градусов. Практически, аналогичная той, что продавали в магазинах. Ну, а бабушки на продажу из-под полы, разводили «Рояль» на 6

бутылок. Это была слабенькая настойка в 33 градуса. Не фонтан, конечно, но, когда выбора не было, покупать ее все равно приходилось за неимением лучшего.

Помню, как-то ко мне нагрянули гости, а угощать было нечем, я быстро сходил на базарчик возле дома и обменял свою старую нутриевую шапку (которую, кстати, давно собирался выкинуть) на литр разведенного спирта. Тогда такой бартер был возможен. Спирт был вообще хорошей разменной монетой. Многие дела и проблемы можно было решить за бутылку. Ею можно было расплатиться, на нее можно было что-нибудь купить, ее можно было дать в качестве взятки, да и взять с собой в гости вместо подарка было не грех. Одним словом, с появлением «Рояля» проблема со спиртным на все случаи жизни была решена. Купил пару литров и знаешь, что гости трезвыми не уйдут. Правда, похмелье с него было тяжелым, но это было уже не важно. Самое главное, что литр «Рояля» (считай, 5 бутылок) стоил так же, как 2 заводские бутылки водки, которых еще нужно было суметь купить. И в этом была его выгода.

С куревом тоже была беда. Сигарет и папирос не было. Нет, были кое-какие в магазинах, но такие плохие, что курить их было невозможно – без фильтра или какие-нибудь индийские. От них не было никакого удовольствия, только драло горло. В основном, сигареты распространяли по организациям, по несколько пачек на взрослых членов семьи. Хорошо если в семье никто не курил. Как говорится, без проблем. А если в семье были заядлые курильщики, которые могли выкурить месячную норму за один день? А если курильщик был не один? Помню, отец научился засмаливать сигареты и выкуривать одну за два раза.

Иногда, конечно, можно было нарваться на магазин, где «выбросили» товар, но такое случалось крайне редко. Когда же мне удавалось разжиться несколькими пачками сигарет, я дома всегда делал заначки сразу в нескольких местах. И когда наступал сигаретный «голод», потихоньку эти заначки использовал. Были и совсем тяжелые времена, когда ни сигарет, ни папирос не было вообще. Никаких. Бабушки на рынках продавали банки с сигаретными окурками - «бычками», 1-литровая банка – 50 рублей, 3-литровая – 100 рублей. И что самое интересное – покупали. У кого были деньги – те покупали. У кого их не было – курилки махорку, самосад. Дома из пепельницы окурки не выбрасывались. Оставшийся в них табак стряхивался в одну кучку. Из газет крутили «козьи ножки», набивали их табаком и курили. Была полная ассоциация с военным временем.

В промтоварных магазинах и универмагах стояли пустые полки. Товаров не было. Все, что привозили – раскупалось моментально. Дефицит в стране был страшнейший. Достать что-либо можно было лишь по знакомству, по блату, за переплату. Если становилось известно, что в скором времени в магазин должны привезти, к примеру, телевизоры, то заводили тетрадь, в которой записывали всех желающих их купить. Очередь порой доходила до тысячи человек. И все эти люди приходили каждый день к магазину и отмечались. Если кто-то не приходил – его автоматически вычеркивали из очереди. Привезут, допустим, в магазин 20 телевизоров, первая «двадцатка» счастливых их получает, остальные ждут следующего завоза. И так далее. Так было и с холодильниками, и с магнитофонами, и другой бытовой техникой. А чтобы народ хоть как-нибудь поддерживать, дефицитные товары стали распространять через организации. Выделят, допустим, в школу одну пару импортных сапог. Вот как ей распорядиться? Кому отдать? Желающих полно, а сапоги одни. Вот и разыгрывали в лотерею, тянули записочки из шапки. Мне, кстати, в свое время повезло. Я сумел выиграть стиральную машинку. Естественно, она досталась мне не бесплатно, я платил за нее деньги. Но я ведь ее получил! Больше мне никогда не везло. А вскоре эти лотереи вообще прекратили.

С деньгами тоже был напряг. В стране элементарно не хватало бумажных купюр. Зарплата задерживалась по несколько месяцев. А когда ее выдавали крупными купюрами – деньги невозможно было разменять. Не менял никто. В некоторых магазинах меняли, но... брали за это 10 % комиссии. То есть, чтобы тебе разменяли 1000 рублей, из этой тысячи ты должен был отдать 100 за сам обмен. Абсурд полнейший. Но и на это приходилось идти, ведь в продуктовом магазине сдачи с 1000 рублей тебе бы никто не дал. Чтобы как-то выходить из ситуации, в организациях «под запись», в счет зарплаты, стали предлагать продукты, одежду, бытовую технику. Но... по немного завышенной цене. Процентом на 10 – 20. Конечно, народ и на это шел. А что делать? Семьи нужно было кормить, поить, одевать. Брали тогда мешками сахар, муку, макароны. Потом месяцами эти макароны ели. Жена, помню, мне их отваривала, затем пережаривала с луком, я перекалывал макароны в банку и брал с собой на работу.

В то время я работал в одной ремонтно-строительной бригаде. Занимались мы чем попало: мусор убрали, землю копали, деревья пилили, железки носили. В общем, куда погонят. Нас было в бригаде 15 человек. Каждый день дежурный, ответственный за разогрев пищи, доставал из пакетов 15-ть принесенных банок, и сваливал их содержимое в одну большую кастрюлю, поставленную на плитку. Кто-то приносил борщ, кто-то – уху, кто – плов, кто – макароны, кто – пшеничную кашу. Неизменно все это смешивалось, подогревалось и выставлялось на стол в одной кастрюле. Вы скажете, что не стали бы есть эту бурду? Сейчас я бы тоже не стал. А тогда мне это даже в голову не приходило. Ели так, что за ушами трещало. И съедали все до последней капли. Я не помню случая, чтобы хоть одного из нас после такого приема пищи вывернуло, либо «пробило дно». Никто никогда от еды не отказывался, и не говорил, что это невкусно. Наши желудки тогда могли принимать хоть кору с деревьев, хоть железные гвозди.

Много лет прошло, многое изменилось с тех пор. Жизнь стала лучше, интересней, насыщенной. Мы обзавелись семьями, у нас растут дети. Которые вдоволь едят мяса, колбасы, сыра и масла. Которые пьют натуральные соки, а не как мы – «Юпи» и «Инвайт». Которые видят конфеты и шоколад не только в праздники, но и в обычные дни. Которые не отстаивают многочасовые очереди за продуктами, а живут в достатке и довольствии. И мы надеемся, что «лихие 90-е» не возвратятся назад никогда. Потому что это уже было, и это было нелегкое время. Потому что мы уже это пережили и сделали все, чтобы это никогда не повторилось. Чтобы наши дети никогда не увидели всего этого ужаса. Чтобы они ни в чем не нуждались, и жили счастливее, чем мы. Хотя..., если честно... для меня «лихие 90-е» были не самыми худшими в моей жизни. Тогда я был молод и легко переносил все эти тяготы и лишения. Я умел радоваться жизни и ценил то, что имел. Мне было всего лишь двадцать пять, и впереди была целая жизнь.